

Ангел Богданович

Страничка из истории реакционной прессы

Ангел Иванович Богданович Страничка из истории реакционной прессы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5822532

Аннотация

«Очень рѣдко, почти ничего не приходится намъ говорить о русской реакціонной прессѣ. Происходить это главнымъ образомъ оттого, что эта пресса очень не интересна, и рѣдко-рѣдко можно найти и у нея что-нибудь, что могло-бы послужить на пользу нашему читателю. Чѣмъ объяснить такое оскудѣніе реакціонной печати, судить не беремся. Зато съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе на замѣчательную статью г. А. Филиппова въ первой книжкѣ воскресшаго въ этомъ году "Русскаго Обозрѣнія" – "Изъ исторіи журнала", въ которой авторъ съ откровенностью, достойною всяческаго поощренія, рассказываетъ, какъ возникъ журналъ, какъ и чѣмъ онъ держался и отчего, наконецъ, палъ. Въ исторіи нашей реакціонной печати статья г. Филиппова должна занять видное мѣсто, и чѣмъ больше она будетъ извѣстна, тѣмъ полезнѣе и для печати вообще...»
Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ

Страничка изъ исторіи реакціонной прессы

Очень рѣдко, почти ничего не приходится намъ говорить о русской реакціонной прессѣ. Происходитъ это главнымъ образомъ оттого, что эта пресса очень не интересна, и рѣдко-рѣдко можно найти и у нея что-нибудь, что могло-бы послужить на пользу нашему читателю. Чѣмъ объяснить такое оскудѣніе реакціонной печати, судить не беремъ. Зато съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе на замѣчательную статью г. А. Филиппова въ первой книжкѣ воскресшаго въ этомъ году "Русскаго Обозрѣнія" – "Изъ исторіи журнала", въ которой авторъ съ откровенностью, достойною всяческаго поощренія, рассказываетъ, какъ возникъ журналъ, какъ и чѣмъ онъ держался и отчего, наконецъ, палъ. Въ исторіи нашей реакціонной печати статья г. Филиппова должна занять видное мѣсто, и чѣмъ больше она будетъ извѣстна, тѣмъ полезнѣе и для печати вообще.

Г-нъ А. Филипповъ начинаетъ съ жалобы, что нынѣ журналъ могъ бы праздновать десятилѣтіе, такъ какъ въ 1890 г. было основано "Русское Обозрѣніе", – по словамъ автора, "въ самый разгаръ патріотическаго воодушевленія, внесеннаго политикой покойнаго государя Александра III, вѣрнѣе его

образомъ мыслей и силой чувства, сливавшася съ тѣмъ, что таится въ груди русскаго народа. И не будь судьба этого журнала исключительной по своему характеру, мы выслушали бы уже много рѣчей, заздравныхъ тостовъ и привѣтствій читателей. Но,— меланхолически замѣчаетъ авторъ,— какъ все, что призвано отстаивать интересы нашей народности, оно (т.-е. журналъ) захирѣло, пришло въ упадокъ и, думаю, рѣдко кто помнитъ, скорѣе мало кто знаетъ объ этой поучительной страничкѣ изъ исторіи близкаго намъ времени".

Идея журнала возникла въ Москвѣ — у кого именно, авторъ не помнитъ. Зародился онъ подъ редакціей кн. Цертелева и при матеріальной поддержкѣ Давыда Морозова. "Московскій публицистъ, дворянинъ чисто русскихъ традицій, соединялся съ представителемъ лучшей части московскаго купечества, образованнымъ старовѣромъ. Что можетъ быть трогательнѣе союза двухъ нелицемѣрно любящихъ родину лицъ, пользовавшихся притомъ совершенно независимымъ положеніемъ?!" спрашиваетъ г. Филипповъ.

Успѣхъ, казалось, былъ заранѣе обезпеченъ. "Конечно, на зовъ редактора не замедлили откликнуться интересные по своему сочетанію элементы русской литературы. Въ журналѣ приняли участіе царственный поэтъ К. Р., и неощенный, но высоко цѣнный философъ, П. Б. Астафьевъ; романистъ, публицистъ и политико-экономъ К. Θ. Головинъ, и увлекательный поэтъ-беллетристъ Іер. Ясинскій, и повѣстествова-

тель-историкъ гр. Салиасъ; бывшій адвокатъ, изслѣдователь искусства и будущій властелинъ въ области печати М. Я. Соловьевъ. Поэтъ, прославившійся переводами, П. А. Козловъ въ звучныхъ сонетахъ воспѣвалъ современность. Ген. А. А. Кирѣевъ, по обыкновению, эффектно-джентельменски полемизировалъ съ Вл. Сер. Соловьевымъ, а князь Ухтомскій, теперь съ такимъ презрѣниемъ нападающій на "Московскія Вѣдомости", дружески усаживался за редакціонный столъ съ Вл. А. Грингмутомъ, непоколебимымъ защитникомъ классицизма. Павелъ Безобразовъ, тотъ самый, что съ пѣною у рта, "какимъ то демономъ внушаемъ", читалъ въ послѣдствіи лекціи "въ защиту женщинъ" – чѣмъ инымъ создается въ настоящее время популярность?! – спокойно переносилъ сосѣдство степеннаго соціолога и осторожнаго политика Льва Тихомирова", и т. д.

"Не правда ли, – восклицаетъ г. Филипповъ, какое поразительное разнообразіе именъ, статей и ихъ настроенія!" Дѣйствительно, но это и повело въ ближайшемъ будущемъ къ разладу. Въ первые два года, не смотря на то, что "скромный издатель журнала Д. Морозовъ затратилъ свыше 200.000 р.", не смотря на всякое поощреніе со стороны, "подписчиковъ было немного. При значительномъ количествѣ даровыхъ экземпляровъ, при искусственномъ распространеніи журнала, число ихъ не доходило до 2.000; существовать при такихъ условіяхъ самостоятельно журналу нельзя". А тутъ еще въ 1892 г. "умеръ гражданской (?) смертью Н. Н. Боборыкинъ,

нотаріусъ и въ нѣкоторой степени литераторъ, лицо, подписывавшееся за издателя". Возникъ вопросъ и о редакторѣ, такъ какъ кн. Цертелевъ послѣ "гражданской смерти" Боборыкина поспѣшилъ отказаться отъ руководства журналомъ. На выручку явился "случай", помогшій подыскать нужнаго человѣка, найти котораго, по словамъ автора статьи, было вообще очень трудно, ибо "отдать изданіе, такъ счастливо начатое и обратившее на себя вниманіе не только публики, но и двора, въ руки случайныхъ предпринимателей казалось невозможнымъ". "Только человѣкъ устойчивыхъ убѣжденій, большого запаса энергіи, обладавшій литературной извѣстностью, могъ претендовать на полученіе журнала". Но, печально поясняетъ авторъ, такого человѣка не было. Къ счастью для журнала, "случай свелъ Боборыкина на улицѣ съ малознакомымъ ему Анатоліемъ Александровымъ, молодымъ человѣкомъ, не достигшимъ 30 лѣтъ и почти никому неизвѣстнымъ". Могъ ли онъ выполнить роль руководителя столь серьезно поставленнаго изданія? – спрашиваетъ г. Филипповъ, и безъ колебаній отвѣчаетъ: "Изъ тѣхъ силъ, которыя необходимы при составленіи редакціи и для развитія такого крупнаго и широкаго дѣла, какъ изданіе ежемѣсячника, у Александра не было ни одной. Нѣсколько стихотвореній, обличавшихъ въ авторѣ самое заурядное дарованіе; два-три фельетона по литературѣ, свидѣтельствовавшіе и бойкости пера и опредѣленности мыслей больше, чѣмъ о талантѣ – вотъ и все, чѣмъ могъ похвастать будущій редак-

торь". А "въ то время пресса ревниво оберегалась от вторженія сомнительныхъ элементовъ",— внушительно замѣчаетъ авторъ. Такъ и взглянули на новаго кандидата въ Петербургъ. Но тутъ выручили знакомства. Александровъ въ свое время, "по чутью скорѣе, нежели благодаря опыту и знаніямъ, примкнулъ къ кружку молодежи, приверженцевъ идей философа-публициста К. Н. Леонтьева, а черезъ послѣдняго обратилъ на себя вниманіе тогдашняго министра народ. проsv. графа Делянова, который и сталъ покровительствовать способному молодому человѣку. Вскорѣ объ Александровѣ узналъ и К. П. Побѣдоносцевъ". Въ Петербургѣ встрѣтили Александра сначала недовѣрчиво, "но часъ бесѣды съ Побѣдоносцевымъ создалъ Александрову такого покровителя и союзника, который остался для него памятнымъ и навсегда оказалъ громадное вліяніе на судьбы журнала. Побѣдоносцеву, конечно, случалось ошибаться въ размѣрѣ силъ и дарованій людей, которыхъ онъ выдвигалъ, но относительно направленія ихъ и искренности ихъ чувствъ къ родинѣ, никто не упрекнетъ его въ ошибкѣ. И Анатолій Александровъ, успѣвшій получить приватъ-доцентуру при Московскомъ университетѣ, а вскорѣ затѣмъ сдѣлавшійся и редакторомъ-издателемъ газеты "Русское Слово", оказался, конечно, соотвѣтствующимъ возложенной на него задачѣ".

Итакъ, первое крушеніе, вызванное "гражданскою-смертью" издателя, было предотвращено. Новый редакторъ-издатель, хотя и не обладавшій никакими нужными для журнала

дарованіями, собрали новыя силы, въ лицѣ "прославленнаго нынѣ В. В. Розанова", а старыя поощряли и ободряли; такъ напр., "Мих. П. Соловьевъ этюдами по Святой землѣ прокладывалъ себѣ дорогу къ должности главноуправляющаго по дѣламъ печати"; "въ 1894 г. возобновилъ эффектный статьи Spectator, находившій Россію на распутьи, но сильной, въ то время, какъ Европа быстрыми шагами шла къ разложенію. Увѣренно звучащій, почти властный, тонъ замѣтокъ обратилъ на себя серьезное вниманіе. Автору статей В. Грингмуту черезъ нѣкоторое время было предложено редактировать "Московскія Вѣдомоости".

Несмотря однако на всѣ эти успѣхи сотрудниковъ журнала, "подписчиковъ не прибывало. Изданіе не давало дохода и требовало постоянной поддержки". "И вотъ, пришло время,— съ грустью продолжаетъ авторъ,— когда Давыдъ Морозовъ отказался отъ дальнѣйшей помощи предпріятію, въ успѣхъ котораго уже не вѣрилъ, особенно послѣ цѣлаго ряда обличительныхъ доносовъ со стороны "друзей" Александра, и послѣдній оказался въ отчаянномъ положеніи, изъ котораго былъ выведенъ Высочайшею милостью. На продолженіе журнала было отпущено изъ личныхъ Его Величества средствъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Сотрудникъ "Рус. Обозрѣнія", такъ сказать, пестунъ его, К. П. Побѣдоносцевъ, помѣстившій въ 1898 г. статью о Ле-Пле, былъ живымъ двигателемъ дѣла, обратившимъ высокое вниманіе покойнаго государя на Александра, который и былъ пред-

ставлень Его Величеству. Послѣ этого звѣзда Александрова засіяла яркимъ свѣтомъ на нашемъ литературномъ небосклонѣ".

Время это было апогеемъ благополучія Александрова, вокругъ котораго, "незамѣтнаго прежде человѣка, стали тѣсниться люди, отличающіеся по своему положенію или дѣятельности", а главное – "къ нему возвратилось прежнее расположение Морозова", что опять обезпечило существованіе журнала на два еще года. Но, увы! – велика человѣческая неблагодарность: "одни за другими мелькали мѣсяцы, тянулись годы, не принося увеличенія подписчиковъ, не вызывая отклика среди безмолвствовавшихъ, гдѣ-то "въ глубинѣ Россіи" разсѣянныхъ читателей", а тутъ еще "съ 1896 г. Давыдъ Морозовъ, уже больной, съ неохотой выдавалъ деньги на изданіе и то въ крайнихъ затруднительныхъ случаяхъ". Между тѣмъ, этихъ "случаевъ" становилось все больше, ибо "неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ заставляла падать, а не развиваться журналъ". Но счастливая звѣзда Александрова не совсѣмъ закатилась еще, и "при новыхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ на журналъ было обращено высокое вниманіе Его Величества. Нынѣ царствующему Государю благоугодно было отпустить въ 1898 г. на изданіе журнала нѣсколько десятковъ тысячъ изъ собственныхъ Его Величества средствъ, а въ 1897 г. Ея Величество, вдовствующая Императрица, почтила Александрова таковою же помощію. Редакторъ-издатель былъ обласканъ и ободренъ".

Однако, ничто уже не могло спасти изданія, которое не встрѣчало поддержки со стороны читателей, по прежнему продолжавших хранить "безмолвіе" и, что еще хуже, не подписывавшихся на журналъ, гдѣ сотрудники вели, каждый по своему, опредѣленную линію: кто "пролагаль" дорогу къ тепленькому мѣстечку, кто тономъ, "почти властнымъ", выписываль себѣ видное положеніе, кто преслѣдовалъ цѣли, намъ неизвѣстныя, но очевидно симпатичныя г. Филиппову, насколько можно судить по его теплому тону. Все это, конечно, никакого отношенія къ литературѣ не имѣло. А въ результатѣ такого разброда "наша партія", о значеніи и дѣйствіяхъ которой,— ядовито замѣчаетъ г. Филипповъ, — "такъ краснорѣчиво писали на страницахъ "Русскаго Обозрѣнія", не только не проявляла жизни, но неизвѣстно гдѣ находилась, по крайней мѣрѣ она не хотѣла поддерживать Александра и въ наиболее острый періодъ его борьбы съ равнодушіемъ публики не могла организовать дѣло такъ, чтобы оно продолжало стройно функціонировать. Наоборотъ, извѣстія о высочайшихъ милостяхъ къ Александрову, распространяясь по административнымъ сферамъ, переносились съ быстротой фурий въ литературныя, вызывая зависть и недоброжелательство прежде всего у представителей "нашей партіи", полное равнодушіе къ судьбѣ журнала среди лицъ, стоящихъ внѣ ея. Изъ устъ въ уста передавалось, какъ достовѣрность, что десятки тысячъ, отпущенныя Александрову, истрачены не на дѣло, а припрятаны; другая часть обращена на покуп-

ку великолѣпныхъ дачь у Троицы". И въ лѣто 1898 г. отъ Р. Хр., заканчиваетъ лѣтописецъ свою повѣсть, журналъ закрылся, истощивъ силы въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Въ августѣ этого года появилась майская книга, въ которой редакція заявляла, что, "въ силу непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и перемѣны типографіи, книжки задержаны, но редакторъ приметъ всѣ мѣры и послѣдующія книги начнутъ выходить аккуратно". Но "это было послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ журнала. Онъ пересталъ существовать, его забыли".

Итакъ, журналъ, имѣвшій такія матеріальныя средства, какъ ни одно изданіе ни до него, ни послѣ, снискавшій столь высокую поддержку, что ея одной уже, казалось, было достаточно, чтобы обезпечить крупный и прочный успѣхъ, — существовалъ, лучше сказать — съ трудомъ протянулъ около семи лѣтъ и погибъ безславной смертыю, не возбудивъ сожалѣнія даже въ средѣ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, которые въ значительной степени сами доканали его. Что же послужило причиной такого страннаго на первый взглядъ неуспѣха? Матеріальная сторона, на которую усиленно напираетъ г. Филипповъ, во всякомъ случаѣ тутъ не причемъ. Больше 200.000 р. Давыдъ Морозова, три раза значительныя субсидіи изъ средствъ Высочайшихъ Особъ — неужели этого мало, не считая еще кое-какихъ подписныхъ суммъ, которыя на худой конецъ дали не одинъ десятокъ тысячъ? Очевидно, дѣло не въ деньгахъ. Причина и не въ постороннихъ обстоя-

тельстввахъ, такъ какъ журналу была обезпечена поддержка, которая, какъ мы видѣли, могла устранить всѣ препятствія. Причина гибели журнала лежитъ гораздо глубже. Прежде всего она заключалась внутри самого дѣла. Не смотря на столь восхищающій г. Филиппова идеальный союзъ "дворянина чисто русской традиціи съ представителемъ лучшей части купечества", во главѣ изданія съ самага начала ставится человѣкъ, черезъ годъ умершій "гражданской" смертью. Это фактъ глубоко знаменательный для настоящаго предпріятія: въ реакціонной литературной средѣ не нашлось лучшаго человѣка, какъ двусмысленная личность. Далѣе, уходитъ человѣкъ съ литературнымъ именемъ, кн. Цертелевъ, и, по словамъ нашего лѣтописца, его замѣняетъ человѣкъ, "у котораго не было ни одной ивъ тѣхъ силъ, какія необходимы для этого крупнаго дѣла": ни литературнаго имени, ни таланта, ни опыта, ни трудолюбія, ни авторитета, ничего, кромѣ "опредѣленности мыслей". Словомъ, багажъ болѣе чѣмъ скудный для редактора-издателя большого журнала. Такимъ образомъ, во главѣ дѣла все время не было даже съ точки зрѣнія реакціонныхъ требованій – подходящаго человѣка. Затѣмъ, сотрудники, которые и составляютъ главную силу журнала. Наивный лѣтописецъ откровенно указываетъ, что всякій преслѣдовалъ свои цѣли, не имѣющія ничего общаго съ литературой. Понятно, каково было содержаніе журнала, – и вотъ третья и самая коренная причина: равнодушіе публики. Какое дѣло читателю до тѣхъ цѣлей, какія преслѣ-

довали сотрудники? Даже своя, реакционная публика, которая все же могла бы поддержать журнал, не могла не отшатнуться в конце концов, видя не только идейную и литературную слабость руководителей, но и что-то совсем темное в их поведении... Правда, г. Филиппов заявляет, что "по проверке счетов и книг оказалось, что он (Александров) не оставил себе ни одной копейки чужих денег". Но факт остается тем не менее фактом: несколько сот тысяч "чужих денег" исчезли так же бесследно, как исчез и сам журнал.

Реакционная печать всегда жалуется на все и всех, обвиняя в особенности либеральную печать, которая ей будто бы перебивает дорогу, обладая большими средствами, чтобы оплачивать сотрудников и приманивать читателей обилием материала. История "Русского Обозрения" лишает ее и этого обвинения. Журнал, повторяем, обладал по истине громадными средствами, значить – не в средствах дело, а в людях прежде всего и в содержании. У "Русского Обозрения" денег было больше, чем требуется на два таких журнала, но у него не было ни людей, ни идей, и оттого оно и погибло. Журнал оказался никому не нужным. Мало того, от него отшатнулись даже искренние консерваторы, в роду кн. Ухтомского, которые не могли переварить ни статей г. Розанова, его знаменитой "Ходынской катастрофы" (см. о ней "Критич. Заметки", 1897 г., октябрь), ни "властного" тона *Sperctator*, возстановившего всю печать.

Въ концѣ концовъ, все свелось, такимъ образомъ, къ равнодушію публики, отчего журналъ и погибъ. Да, равнодушіе публики – это страшная, непреодолимая сила, съ которой не могутъ бороться никакія силы, никакіе капиталы, никакіе Александровы, Филипповы и т. п. личности, сколь бы безупречна ни была ихъ "опредѣленность мысли". Такова поучительная мораль "басни сей", за которую мы отъ души благодаримъ г. А. Филиппова.

Сентябрь 1901 г.